

уверен, останутся в истории мировой кинематографии. Вспоминаю их одну за другой, вдумываясь в них, понимаешь, что, как всякий большой, настоящий художник, Федерико Феллини прежде всего — поэт. Он создает свой собственный, поэтический мир, чтобы выразить через него с полнотой, кажущейся ему сегодня, так же как 20 лет назад, недостижимой, изначально желанной, но невозможной, свое отношение к окружающей его действительности...

Он не ставит своей целью реконструирование, воссоздание современного ему мира в его осязаемых, видимых, материально правдивых реалиях, у него свой путь в кинематограф. И, конечно же, это путь поэта.

Создание своего индивидуального, глубоко субъективированного, условного и всегда активно персонализированного мира — в этом сущность Феллини. Но парадокс поэтического творчества заключается в том, что чем субъективнее воссоздаваемая картина мира, тем глубже проникает художник в его объективную данность...

Творчество Феллини демократично. Его мир отнюдь не рафинирован, он доступен самым широким кругам. Вспомним такие его ленты, как «Дорога», «Ночи Кабрини» или «Амаркорда»... Трудно усомниться, видя эти картины, в знании и понимании жизни режиссером. В видении им ее самых глубоких пластов, ее нутра. Становится очевидной его близость народу, его понимание самого простого, как принято говорить, «маленького», рядового человека современной Италии.

Но даже тогда, когда он обращается, как скажем, в «Сатириконе», к далекой истории, мгновенно становится ясным его желание высказаться о современном ему мире — не о древнем Риме, а о том, что окружает автора ежедневно, ежедневно.

Удивительное феллиниевское барокко, его насыщенное деталями, щедрое, я бы сказала, скандеровское, рубинское начало выражает жизнелюбие мастера, широту его натуры, прихотливость характера и душевное здоровье...

Нет никакого сомнения в том, что все творчество Федерико Феллини — именно все! — ис-

полнено глубокого жизнеутверждающего пафоса. Казалось бы, это так очевидно, что об этом не стоит и говорить, но мною руководит единственное желание еще раз напомнить о том, что творчество настоящего художника всегда несет в себе заряд веры и надежды, всегда полно упования на будущее, всегда внушает ощущение духовного пространства и перспективы. Даже тогда, когда художник говорит о духовном кризисе общества, как Феллини это делал в «Сладкой жизни» или в «8½».

Живописуя, ораторствуя, наставляя, пролизируя, возмущаясь, Феллини испытывает такую боль и особо осязаемую нами любовь, что приходит в голову странная мысль о колоссальном смысле его картин, возможно, не соответствующих их первоначальному замыслу, — так как он становится в результате и шире, и глубже, и емче, и сложнее...

Феллини, каким я его узнал, прежде всего необычайно добр. Кажется, не было случая, когда бы он не помог тем, кто просил его о чем-нибудь, нуждаясь в его помощи. А к нему обращаются за помощью многие — и его старые товарищи, и начинающие кинематографисты, и коллеги, и совершенно посторонние люди. Это свидетельствует о крупности и, главное, бескорыстности его характера. Даже когда автор этих строк, в сущности ничем в жизни с Феллини не связанный, столкнулся с некоторыми сложностями в своей работе в Италии, Феллини первым предложил ему помощь, которую он с благодарностью принял.

Кажется, никто из современных художников не сумел выразить с такой глубиной и пониманием проблему творчества, душевного состояния художника и вообще творческой человеческой личности в мире, как это сделал Федерико Феллини в картине «8½». История режиссера, называемого в состоянии тяжелого душевного кризиса, — его растерянность и метания в поисках собственной темы, его беспомощность, усталость — стала основой удивительного, ярчайшего, во всем необычного фильма. Это глубоко лирическая картина. Все события в ней как бы пропущены, лет, не как бы, а на самом деле пропущены через

Федерико Феллини на съемочной площадке

личность самого режиссера, выражают его собственную душевную смуту. Но все эти кризисы и метания, кажущиеся частными, необязательными, не только не сужают рамок и значения фильма, но, напротив, бесконечно повышают его всеобщую значимость. Ибо Феллини в нем предельно искренен и безоружен перед внешним миром в своей исповедальности и открытости нашему восприятию. Должен признаться, что «8½» — мой самая любимая картина в его творчестве и, как мне кажется, лучший его фильм; в нем глубина и уточненность замысла соединились с простотой и демократичностью формального выражения, с той органичностью формы, когда все открылось нам так, как было задумано автором.

Феллини удивительно мягок и прост в общении и чрезвычайно немногословен. Он очень нежен и обаятелен. Не в актерском, а в глубоко человеческом значении этого слова.

Он зивет себе цену — и тем более значительно его бескорыстное внимание к своим друзьям. Он самый знаменитый режиссер Италии. Кажется, что «маэстро» знают все: незнакомые люди здороваются с ним на улице. Я знаю случаи, когда к нему обратился человек, сын у которого попал в тюрьму: посетитель просил облегчить его сыну условия содержания, и Феллини связался с компетентными людьми, дабы помочь несчастному отцу в его ужасных обстоятельствах. И эта просьба не оказалась Феллини странной.

Федерико Феллини истинно итальянский, по-настоящему народный художник.

Сочетание в его картинах обаятельного, зрелого, чувственного образа мира простого человека с поэтически тонким, сложным ощущением реальности — вот что делает Феллини художником уникальным, единственным и неповторимым среди всех остальных режиссеров, мне известных. Отличным от всех других...

И тут мне снова хочется сказать о нежности этого большого и сильного человека, его ранности и душевной тонкости, которые так очевидны, так ощутимы и в «Клоунах», и в «Риме», и в «Амаркорде». А если вспомнить «Ночи Кабрини», где режиссер становится открытым защитником слабых, обездоленных людей, потерянных в захламленных пространствах современного города... В этой защите — центр его художнической позиции, истоки его эстетической системы, основа возводимого им живого мироздания.

Эти грустные клоуны «Дороги», «Сладкой жизни», «8½» и, наконец, клоуны из «Клоунов»⁴ Разве они при всей изысканности и точности мысли и стиля режиссера не являются яркой демонстрацией любви к простому (я бы назвал его изначальным) человеку?..

Многим может показаться, что Федерико Феллини, этот художник с громким именем, чрезвычайно богатый человек. Он действительно мог бы по-настоящему разбогатеть, если бы согласился сотрудничать с крупными итальянскими, а теперь, главным образом, американскими киноделами. Но он никогда не шел на сделки. Он предпочитал платить сам за свою творческую свободу, за возможность де-

лать то, что он считает нужным и важным.

Подобная альтернатива преследует многих кинорежиссеров Запада. И если это крупные художники, то они избегают сотрудничества с чисто коммерческими продюсерами. Иначе они рискуют потерять себя и на самом деле часто теряют...

Сейчас кино Италии переживает трудные времена. Попросту нет денег на производство итальянских картин! Нет больше меценатов, никто не хочет заниматься искусством... Конечно, вся тяжесть этой ситуации ложится прежде всего на плечи таких ведущих и признанных мастеров, как тот же Федерико Феллини или Микеланджело Антониони. Им нелегко приходится сегодня. Но до тех пор, пока режиссер Феллини сможет, вопреки всему, считать то, что ему кажется пугным, до тех пор киноискусство Италии останется на том же высоком уровне, на какой оно поднялось после разгрома фашизма.

В тех тяжелейших условиях, в которых пребывает ныне итальянский кинематограф, все взоры — с тем большей надеждой — обращаются к его величайшим мастерам, обращаются с верой в то, что итальянское кино найдет в себе силы обрести новое дыхание...

Поздравляя Феллини с 60-летием, я пользуюсь случаем еще раз выразить ему благодарность за то, что он, открыв, доверил нам свой мир, блистательный, изысканный, тонкий и человеческий, простой и грустный — такой, каким его ощущал в глубине души, почувствовал и воссоздал для нас этот удивительный художник.

⁴ В подготовке материалов номера принимала участие С. Бадина, И. Заславская, С. Зоринская, А. Далева, Л. Далева, М. Кирозаджи, С. Лавренко, Л. Павлова, Н. Савицкий, О. Сергеев, С. Троицкий, П. Шенюцкий.

⁴ Gilberto Serrini. Pesaro: un'isola nel cinema rosso. — «Corriere adriatico». Ancona, 23 giugno, 1980, p. 11.